

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. МАРКС и Л. Г. МОРГАН

К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Лондон, 1877 (подготовлен к печати и переведен И. Н. Винниковым). Архив Маркса и Энгельса, под ред. М. Б. Митина, том IX, М., 1941.

На всем протяжении своей творческой работы создатели революционной теории пролетариата уделяли большое внимание проблемам первобытной истории человечества. От «Немецкой идеологии» (1845 г.), через целую серию этюдов, статей и писем Маркса об индийской общине (с 1853 г.), кельтском клане, перуанской, германской и славянской общине, через недавно опубликованные подготовительные работы Маркса к «Капиталу», посвященные «формам, предшествующим капиталистическому производству» (1857—1858 гг.), проходит линия разработки Марксом и Энгельсом этого круга проблем. Общеизвестен интерес Маркса и Энгельса к движению в этой области науки. Открытия Гакстгаузена, Маурера, Мэна немедленно критически осваиваются Марксом и Энгельсом, раскрывающими в материале этих исследований новые, наиболее существенные, часто не понятые самими авторами открытия, стороны.

Период 40—60 гг. XIX в. был, однако, младенческим периодом развития этнографии, и особенно археологии, наук, которым мы обязаны почти всей совокупностью данных по первобытной истории человечества. В распоряжении основоположников марксизма были по преимуществу лишь данные по наиболее поздним, по существу пережиточным, крайне искаженным исторической средой формам первобытной общины, тысячелетиями существовавшим в качестве уклада в системе классовых — рабовладельческих, феодальных и даже капиталистических — обществ. Этнографические данные представляли собой в это время еще поистине первобытный хаос исторически никак не обобщенных примеров. Ранние попытки систематизации этих данных, в частности, опыт основателя эволюционно-психологического направления в этнографии — Бастиана, почти ничего не давали для действительного понимания этнографических материалов. Фундаментальная работа швейцарского исследователя Бахофена («Материнское право», 1861), сделавшего ряд блестящих открытий в области истории первобытной семьи, прошла незамеченной в этнографической литературе того времени. Работы Мак-Леннана, открывшего экзогамию, но давшего ей неверное истолкование, мало способствовали приведению в порядок противоречивой груды этнографических фактов. И лишь 1877 год, ознаменованный выходом в свет «Древнего общества» — капитального труда американского этнографа Л. Г. Моргана, величайшего представителя этнографической науки XIX столетия, явился годом, с которого мы можем датировать рождение этнографии как подлинной науки.

Разработка основ марксистской концепции первобытной истории обычно связывается с именем младшего из «Диоскуров» марксизма — Энгельса. Однако сам Энгельс неоднократно подчеркивает в своих трудах и письмах, что он по существу является здесь душеприказчиком Маркса, продолжателем незавершенных многолетних работ Маркса по первобытной истории. Из того, что Энгельс в письме к Марксу от 8 декабря 1882 г. именует прокесов «твоими прокесами»¹, можно заключить, что уже в это время Маркс познакомил Энгельса с книгой Моргана и толкнул его на параллель между германцами Тацита и американскими «краснокожими». Из того же письма видно, что Марксу же Энгельс обязан знакомством с книгой Банкрофта об индейцах, что вообще Маркс выступает в период работы Энгельса над германской маркой в качестве консультанта своего друга по этнографическим вопросам. Лишь после смерти Маркса Энгельс концентрирует свое внимание на вопросах первобытной истории, продвигаясь дальше по намеченному Марксом пути. Характерно, что, как видно из переписки Энгельса, он лишь после смерти Маркса, в 1884 г., непосредственно познакомился с книгой Моргана, и толчком к этому явилась его работа над архивом Маркса.

Перед нами, в только что изданном томе «Архива Маркса и Энгельса» — обширный, объемом около 23 авторских листов — конспект книги Моргана, над которым Маркс работал в 1880—1881 гг. Разбросанные по всему тексту (особенно в главах, посвященных древним германцам, Риму, Греции) дополнения и замечания Маркса, подчеркнутые, дважды подчеркнутые и отмеченные на полях Марксом места моргановского текста, сам отбор и отличная от плана книги Моргана груп-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 598.

нировка материала вводят нас в творческую лабораторию Маркса, рисуя процесс кристаллизации на базе всего обширного, ранее накопленного Марксом материала по первобытной экономике и истории, марксовской концепции первобытного исторического процесса, нашедшей свое завершение в классической работе Энгельса. План распределения материала у Маркса существенно отличен от морганиевского. Он конспектирует сперва первую часть («Развитие интеллекта вследствие изобретений и открытий»), дающую историю развития производительных сил первобытного общества, затем, пропуская часть вторую («Развитие идеи управления»), конспектирует прямо третью часть («Развитие идеи семьи»), за ней четвертую («Развитие идеи собственности») и завершает конспект частью второй.

Характерно, что этот же план, конструктивно более стройный и последовательный, принимает и Энгельс в «Происхождении семьи».

Сам характер конспектирования весьма различен в различных главах.

В конспектировании собственно этнографических материалов и базирующихся на них выводов Моргана Маркс следует тексту своего источника, давая или просто его перевод, или почти дословный пересказ и выражая свое отношение к нему подчеркиванием и немногими замечаниями. Отметим здесь, в частности, важное замечание Маркса о возможном, «особенно, когда к принципам родового строя присоединяется влияние завоевания», перерождении родов в касты (стр. 113) — вывод, весьма важный для установления одного из источников кастовой организации в Индии.

Важно отметить, что в ряде мест Маркс увязывает данные и выводы Моргана с ранее разработанным самим Марксом материалом по поздним формам общины. Так, на 25 стр., подчеркивая слова Моргана «Коммунистический образ жизни, прошедший, повидимому, из потребностей кровнородственной семьи, продолжал существовать при пуналуальной семье, а у американских туземцев — и при синдиасмической и сохранился у них до времени их открытия», Маркс отмечает со своей стороны: «А южные славяне? И даже русские до известной степени?» (ср. также стр. 26, где подчеркивается характер объединяющего несколько семей в одном доме домохозяйства южных славян и в «известной степени» русских крестьян «до и после освобождения от крепостного права»). В главах, посвященных Греции и Риму (стр. 131 сл.), Маркс очень сжато конспектирует Моргана, опуская все малосущественное, широко комментируя и нередко заостряя формулировки Моргана — особенно его полемику против Грота, Гладстона, Моммзена и др. (ср. стр. 135, 138, 139, 143). Многие из полемических характеристик Маркса приводятся Энгельсом в «Происхождении семьи»².

Вместе с тем, целиком принимая основную концепцию Моргана в отношении греческого рода, гомеровской военной демократии и перехода от последней к государству, Маркс здесь во многом уточняет Моргана, в особенности подчеркивая оставшиеся незамеченными последним элементы классовой борьбы в процессе становления Афинского государства: «Заявление Плутарха, что «занимавшие низкое положение и бедные люди охотно откликнулись на призыв в Тесей», а также приведенные им слова Аристотеля о том, что Тесей «склонялся на сторону народа», вопреки Моргану, указывают, повидимому, на то, что вожди родов и т. д. благодаря своему богатству и т. д. уже вступили в конфликт с членами родов — массой населения, что неизбежно при существовании частной собственности на дома, земли и стада, связанной с многоглыми семьями», говорит Маркс (стр. 149), предпосылая этому большую, отсутствующую у Моргана, выписку из Плутарха (стр. 148).

В этой полемике с Морганом, по, казалось бы, частному вопросу ярко выступает разница в подходе Маркса и Моргана к вопросу о движущих силах процесса перехода «от варварства к цивилизации». Морган, выявив роль классовой дифференциации в процессе перехода от родового к «политическому обществу», не сумел увидеть в зарождающемся государстве основного продукта непримиримости выросших в антагонизм классовых противоречий и орудия господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Линия, намеченная здесь Марксом, получила дальнейшее развитие в заключительных главах книги Энгельса (Происхождение семьи... Соч., XVI, ч. I, стр. 140). Поправляет Маркс Моргана и в вопросе о происхождении римского плебса: «[Утверждение Моргана, что клиенты уже с самого начала составляли часть плебса, — неверно; Нибул прав]» (стр. 177). Наконец, в завершающем рукопись Маркса конспекте XV главы II части книги Моргана «Род у других племен человечества» законспектированы только две первые страницы этой главы, занимающие у Маркса лишь абзац, в котором в виде оглавления перечисляются черты кельтской, албанской, далматской и хорватской родовой и большесемейной организации. После этого текст (более 4 печатных страниц) представляет самостоятельные выписки Маркса из первоисточников и литературы по истории древних германцев.

Большой интерес представляет также подчеркивание Марксом зависимости воз-

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, ч. I, стр. 80, 91, 82, 110.

никающей патриархальной и моногамной семье от растущих классовых отношений и, в соответствии с этим, освещение перехода от материнского к отцовскому счету родства как одного из явлений, в которых выражается процесс распада родовой организации и перехода к классовому обществу. Приведя и подчеркнув слова Моргана, что термины *familia* (патриархальная семья римского типа) «не древнее одетой в железную броню семейной системы латинских племен, появившейся после введения полеводства и узаконения рабства», Маркс добавляет: «Фурье считает характерными признаками эпохи цивилизации моногамию и частную собственность на землю. Современная семья содержит в зародыше не только *servitus* (рабство), но и крепостничество, так как она с самого начала имеет отношение к земельным повинностям. Она содержит в миниатюре все те антагонизмы, которые позднее широко развились в обществе и в его государстве» (стр. 31).

И дальше: «Семья вероятно искала поддержки в коллективном домохозяйстве (как у южных славян), состоявшем из родственных семейств. Когда рабство стало общественным учреждением, эти домохозяйства должны были постепенно исчезнуть. Действительно, моногамная семья, чтобы иметь возможность существовать самостоятельно, изолированно, предполагает везде наличие домашней челяди, которая первоначально всюду состояла непосредственно из рабов» (стр. 32). И дальше, на стр. 182 Маркс вставляет в свое изложение текста Моргана, посвященного переходу к отцовскому счету родства: «Когда условия жизни изменились (особенно вследствие развития индивидуальной собственности и моногамной семьи) настолько, что эти исключения³ стали казаться «несправедливыми», совершился переход от счета происхождения по женской линии к счету по мужской».

Это положение представляет особую важность, ввиду имеющейся в нашей литературе тенденции рассматривать «отцовский род» как длительно существовавшую ступень истории первобытного общественного строя как такового. Между тем Маркс (и так же смотрят на вопрос Морган и Энгельс) видел в «отцовском роде» лишь форму разложения родового строя, связанную с более или менее быстрым процессом перехода от варварства к цивилизации.

Выход в свет конспектов Маркса, естественно, заставляет нас сейчас, более чем через 60 лет после того времени, когда создатель теории исторического материализма работал над книгой Моргана, подвести итоги развитию нашей науки и с этих позиций заново оценить труд великого американского этнографа, привлекая такое внимание и получивший такую высокую оценку основоположников марксизма.

Важнейшими открытиями Моргана являются: 1) Установление на базе широкого сравнительноэтнографического исследования хозяйства и быта различных народов земного шара, в первую очередь — американских индейцев, основных этапов прогрессивного развития первобытного человечества, определяемого развитием производительных сил, или, как выражается Морган, «прогрессом изобретений и открытий». По справедливым словам Энгельса, «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительно разросшийся материал не заставит внести изменения, предложенная им группировка несомненно останется в силе»⁴.

2) Установление, на базе столь же широкого исследования (в частности, систем родства первобытных народов и их общественных учреждений в целом) того непреложного ныне факта, что основной, господствующей почти на всем протяжении первобытной истории у всех народов земного шара, формой общественной организации является род в его классической матриархальной форме.

3) Установление, что экономика первобытного общества на всем протяжении его истории базируется на общинном характере собственности, производства и потребления и этот же общинный, коллективистический принцип определяет и остальные стороны общественного быта первобытных народов — в первую очередь семейно-брачную организацию.

4) Установление, что лишь по мере развития разделения труда, частной собственности и социального неравенства и эксплуатации (рабство) древние формы общинно-родового быта разлагаются, групповой брак и синдиасмическая семья уступают место патриархальной и моногамной семье, материнский счет родства уступает место отцовскому и, наконец, сама родовая организация рушится, уступая место пришедшему ей на смену государству.

Все эти положения остаются незабытыми.

Прошедшие со времени выхода в свет книги Моргана более шести десятилетий были периодом, ознаменованным целой серией блестящих археологических и этнографических открытий, имеющих самое непосредственное отношение к трактуемым в «Древнем обществе» проблемам. Эти открытия должны были явиться и явились

³ Исключение детей из наследования отцу. — С. Т.

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 9.

лучшей «экспериментальной проверкой» правильности данной Морганом реконструкции истории первобытного человечества. Надо подчеркнуть, что Морган почти совершенно не располагал археологическими данными, работая исключительно как этнограф. И, несмотря на это, с необходимыми, конечно, коррективами в деталях, периодизация первобытной истории, данная Морганом, в важнейших своих звеньях блестяще выдержала проверку времени. Это ярко демонстрирует правильность метода Моргана и первостепенное значение этнографических источников для реконструкции первобытной истории, вполне, как мы видим, позволяющих даже сами по себе — если нет археологических данных — ретроспективно восстановить основные звенья исторического прошлого исследуемых народов.

Так, привлекая такое внимание Моргана общинные дома американских индейцев — яркий показатель «коммунистического», как пишет Морган, уклада быта — не только прослежены сейчас у первобытных народов всех частей света, но и открыты археологами в слоях, относящихся к неолиту, бронзовому веку и раннему железному веку Европы и Азии. Отмечу замечательные «длинные дома» Бискупинского селища раннего железного века в Польше, «длинный дом» «ананьинской культуры» в Прикамье, открытый А. В. Збруевой, общинные дома «трипольской культуры» на Украине (Т. С. Пассек), бронзового века Оки (Бадер), наконец — круглые общинные дома, достигающие размера 17×24 м, у неолитических обитателей низовьев Аму-Дарьи, открытые автором этих строк.

Первобытная археология, основания которой были положены Буше де Пертом, Томсоном и Мортилье, окончательно сложилась лишь к концу XIX ст., а XX век ввел в нее столь обильный новый материал, растущий год от года, что каждая новая археологическая сводка требует существенного пересмотра сформулированных на предыдущем этапе положений. Однако археология, в хронологическом расчленении своего материала, совершенно независимо от Моргана, труд которого, как неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, настойчиво замалчивался, установила грани, по существу тождественные границам, данным Морганом. Шесть этапов археологической периодизации прямо соответствуют шести этапам периодизации Моргана.

Сопоставление археологически устанавливаемой периодизации конкретной, хронологически прослеживаемой этап за этапом, истории первобытного человечества и периодизации Моргана позволяет сейчас рассматривать последнюю не как некую идеальную «социологическую» или «историко-культурную» схему, дающую лишь общее направление процесса на древнейших этапах истории (как это делают до сих пор многие из наших авторов, пишущих по этим вопросам), а как вполне конкретную историческую периодизацию, прослеживаемую, с известными вариантами и отклонениями, во всех странах земного шара.

Критика Моргана у новейших зарубежных и, к сожалению, некоторых советских авторов, не давших себе труда внимательно прочитать его книгу, обычно начинается с обвинения его в формалистическом схематизме, в том, что в основу выделения каждого периода первобытной истории он кладет один признак, что он игнорирует конкретные варианты исторического развития, якобы не укладывающиеся в его «схему».

Это обвинение является ложным. Строгий историзм метода Моргана несовместим с тем, что ему инкриминируют критики этого рода. Несмотря на всю скудость материала, которым располагал Морган, по сравнению с тем, чем располагают современные этнография и археология, он сумел блестяще предугадать дальнейшие открытия этих наук, наметить целый ряд вариантов развития первобытного общества, показать и исторически объяснить отклонения от общего хода исторического развития.

Этой стороне построений Моргана Маркс уделяет особое внимание, группируя на стр. 14—15 (стр. 29 издания) своего конспекта ряд относящихся к этому месту из Моргана. «Морган говорит — и это часто можно сказать (и о других народностях) — о древних бриттах (находившихся на средней ступени варварства): «Они, повидимому, имели мозг дикарей, хотя носили одежду более развитых племен». Ср. также стр. 2, где Маркс цитирует слова Моргана о древних бриттах: «они знали употребление железа, а также и другие производства, далеко опередившие в своем развитии их общественные учреждения благодаря соседству более развитых континентальных племен».

«Некоторые африканские племена, включая сюда готтентотов, плавили железо из руды уже в то время, когда мы впервые о них узнали. Научившись получать металл примитивным способом, заимствованным из чужого источника, они начали изготовлять грубые орудия и оружие» (стр. 29).

И в другом месте Маркс подчеркивает слова Моргана: «Одни [племена] были так изолированы географически, что проделали разные стадии развития самостоятельно; другие — подверглись внешним влияниям. Так, Африка представляла и представляет этнический хаос дикости и варварства» (стр. 3).

Общезвестен дифференцированный подход Моргана к характеристике перехода от низшей к средней ступени варварства в Старом и Новом Свете.

И сейчас, через 60 лет, можно повторить то, что сказал Энгельс в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи», подводя итоги четырнадцатилетнему развитию науки после выхода в свет книги Моргана:

«Некоторые отдельные гипотезы Моргана были при этом поколеблены или даже опровергнуты. Но вновь собранный материал нигде не привел к вытеснению его главных основных взглядов другими. Порядок, внесенный им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор»⁵.

Советская наука, обогащенная огромным количеством новых фактов, работает над созданием конкретной истории первобытного человечества, охватывающей все многообразие пройденных народами земного шара исторических путей. И конспекты книги Моргана, прошедшей через критическую лабораторию Маркса, должны явиться важным подспорьем в этой большой и ответственной работе.

С. П. Толстов

⁵ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 127—128.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

(Обзор сборников)

Великая отечественная война поставила перед советскими фольклористами большую и ответственную задачу — собрать те устнопоэтические произведения, которые отразили события военных лет, изучить те процессы, которые совершались в фольклоре в знаменательные годы борьбы русского народа с фашистскими захватчиками. Работа эта была начата научными и общественными организациями и отдельными лицами с первых же дней войны. Уже в 1941 г. выходит литографированный сборник Центрального дома Народного творчества «Фольклор Отечественной войны» под редакцией А. К. Мореевой, публикуются в периодической печати отдельные фольклорные тексты, появляется ряд статей, констатирующих наличие новой тематики в народном творчестве.

Сразу же намечаются две линии в создании новых, «военных» произведений: с одной стороны, появляются массовые фольклорные произведения, стихийно возникающие на фронте и в тылу, главным образом — переделки популярных песен и частушки, с другой, отдельными мастерами, носителями фольклора, создаются новые произведения, преимущественно сказы и сказки. Эти две линии определили и характер публикаций фольклора Великой отечественной войны.

Широко публикуются многочисленные произведения признанных мастеров фольклора, например, плач-сказ Е. И. Чичаевой о Зое Косьмодемьянской «Не забыть нам веки навеки»¹, «Здравица Красной армии» М. Крюковой², ее «Сказ про то, как храбрый помор Фока с немецкими злодеями воевал»³, сказы Безбородовой и Суховерховой⁴, сказки Е. И. Сороковикова⁵ и ряд других произведений, являющихся продуктом индивидуального творчества сказочников и сказителей, отзывавшихся на события, глубоко взволновавшие весь народ. Основная тенденция этих разнообразных по жанру и стилю произведений выражена карельским сказителем Туроевым, приравнявшим в своем сказе: «Мы, сказители, наперед пойдем» роль сказителей к роли бойцов — защитников родины.

Выходят сборники отдельных жанров: песен, пословиц, преимущественно частушек. Многие из них рассчитаны на запросы эстрады⁶.

Печатная продукция, посвященная вопросам, связанным с изучением фольклора эпохи Великой отечественной войны, очень разнообразна. Немало вышло и популярных статей, посвященных этому вопросу⁷, и художественных или полухудожественных очерков, включающих в себя фольклорный материал и наблюдения над возникновением и бытованием этого нового материала⁸.

Выходят и книги, не укладывающиеся в обычные библиотечные рубрики. Такова публикация М. К. Азадовского «Письма молодых фольклористов», дающая очень

¹ Е. И. Чичаева. Не забыть нам веки навеки. Иркутск, 1943.

² «Звезда», 1943 г., № 2.

³ «Краснофлотец», 1943 г., № 16.

⁴ «Красноармеец», 1942 г., № 12. Сборник «За родину, за Сталина». Махач-Кала, 1941.

⁵ Е. И. Сороковиков. «Новые сказки». Улан-Удэ, 1942.

⁶ «Красноармейские частушки». Армгиз, 1941. Малыгин, Ф. Л. «В бой за родину». М., Военн. изд., 1942. «Антифашистские частушки». Улан-Удэ, 1942. «Сборник песен Отечественной войны» сост. Н. Кочин. Горьк. Изд-во, 1942, и мн. др.

⁷ Например, В. Попов. «Отечественная война в народном творчестве». Молотов, 1942.

⁸ Базанов. Поэзия Печоры. Изд-во Коми АССР, 1943.